

ЭКОНОМИКА «ДУГИ»

Полтора десятилетия назад мы жили в 1992-м. И хотя это было давно, но пока, наверное, не все забыли его экономическую повестку. Иными словами, в этом году исполнилось 15 лет с момента рыночной революции в России. Чем не юбилей. А любой юбилей потенциально ценен тем, что дает возможность подвести итоги и, возможно, сделать выводы на будущее.

С предложением поговорить об этом главный редактор «ВН» Ирина Слюсарева обратилась к председателю Совета директоров компании «Еврофинансы», заведующему кафедрой ценных бумаг Финансовой академии, д.э.н., профессору Якову МИРКИНУ.

- Яков Моисеевич, существуют ли, по вашему мнению, общие тенденции в переходных процессах в постсоциалистических экономиках (в том числе закономерности для финансовых рынков)? Можем ли мы считать, что постсоциалистическая трансформация в России, странах СНГ, других странах Центральной и Восточной Европы уже совершилась, и их экономики перешли в фазу капитализма? Существует ли российская (польская, казахстанская и проч.) модели рыночной экономики?

- Для начала – спорный тезис. Несмотря на многие частные различия, которые имеют модели экономик в Центральной/Восточной Европе и Средней/Центральной Азии, в базовых чертах эти экономики очень схожи.

Первая фундаментальная черта, которая роднит эти модели, – сверхконцентрированная собственность.

Ни в одной стране из названных регионов не сложилась диверсифицированная база капитала, ни в одной стране население не стало по результатам приватизации широким участником вновь образованных акционерных обществ. Во всех странах после волны приватизации собственность немедленно концентрировалась в руках немногих собственников – неважно, являлись ли эти собственники государством, или частными собственниками, или иностранными инвесторами.

Кроме того, важно, что степень концентрации собственности во всех этих экономиках хотя и высока, но не в равной степени. Вообразим себе некую дугу, проходящую через точки: бывшая Восточная Германия – Чехия – Венгрия и Польша, далее страны постсоветского пространства, расположенные западнее, а затем страны Средней / Центральной Азии. Можно предполагать, что степень концентрации собственности в названных странах хотя и высока, но все-таки несколько различна и нарастает как раз по описанной дуге. От Восточной Европы к Украине, России, Белоруссии и далее к Средней и Центральной Азии. По этой дуге нарастает роль государства как собственника и ослабевает роль иностранных инвесторов. Поскольку страны Восточной Европы и постсоветские страны, которые попали в еврозону, характеризуются не просто высокой концентрацией собственности, но прежде всего концентрацией иностранной собственности, в частности, в банковском секторе.

Вторая черта общности моделей экономик этих стран – высокая доля государства: как экономического агента, как собственника, как прямого участника экономики. Если говорить о странах Восточной Европы, то их экономическая модель близка к так называемой континентальной модели

экономики. Я имею в виду Германию, Австрию, Францию (но не Великобританию, не США), у которых доля государства в собственности традиционно высока. Ни в одной из этих стран не создана экономика англосаксонского типа, где роль государства как экономического агента меньше, чем в континентальных экономиках, и тем паче в экономиках *emerging markets*.

По дуге, идущей от стран ЦВЕ, не входящим в СНГ, к европейским странам постсоветского пространства, а затем к странам Средней Азии, усиливается роль административной вертикали как фактора, влияющего на саму модель экономики, на модель принятия текущих экономических решений.

Соответственно, эти две доминанты – структура собственности и роль государства как экономического агента, роль административных факторов в повседневной экономической жизни – прямо формируют текущие образцы экономических отношений, ежедневную ткань экономической жизни. И прямо формируют модель финансового рынка.

Третий фактор, играющий роль в формировании этой дуги, связан со странами Восточной Европы, которые не входили в постсоветское пространство (плюс страны Балтии). Они изначально являлись, что называется, *target*-странами, странами, нацеленными на поглощение Европейским союзом (если пользоваться терминами рынка корпоративного контроля), приоритетными целями для инвестиций из Европейского союза. Эти государства были предназначены для очень высокой степени интеграции с еврозоной, изначально отношения с ними развитых стран Запада шли по линии максимального снятия барьеров, как человеческих, так и барьеров для капитала. В результате экономики и финансовые рынки этих стран неизбежно должны были стать своего рода отпечатками, слепками с моделей континентальной экономики.

Четвертый момент – национальные традиции, культурные ценности, религия как факторы, которые влияют на формирование той или иной экономической модели. В том же ряду – степень индивидуальной активности, принятия риска и экономической свободы, которым на долгое время отличается население той или иной страны. Масса полевых исследований подтверждает традиционные различия в экономическом / финансовом поведении населения (по группам стран).

Несмотря на заданную разность истории, традиций, ценностей, население на постсоциалистическом пространстве неизбежно имеет и общность, активно сформированную несколькими десятилетиями административной экономики. Наверное, каждый согласится с тем, что население «дуги» привыкло существовать в протекционистских моделях сильного государства и экономики, оно невольно ограничивает себя в рисках и экономической свободе индивидуально действовать. К этому подталкивают не только десятилетия административной модели, но и предшествующая им имперская история (Польша долгое время находилась в пределах германской и российской имперской традиции, Чехия, Венгрия, Болгария и бывшая Югославия входили в имперские государства Австро-Венгрии и Турции).

Протекционизм и зависимое от него население прямо определяют структуру собственности (сверхконцентрация), модель экономики (сильная роль государства) и модель финансового рынка (прежде всего, рынок долгов и

банковских депозитов, а не акций). Чем дальше мы продвигаемся на Восток по дуге постсоциалистических экономик, тем эта тенденция ярче выражена.

- Можем ли мы констатировать, что капитализм имеет национальные вариации? Что невидимая рука рынка не приводит к повсеместному внедрению единственной рыночной модели, грубо говоря, – американской или англо-саксонской? Что у нас государства в экономике больше, чем бы этого хотелось, например, Милтону Фридману, но здесь и сейчас это не может быть иначе?

Рыночная экономика, однозначно, существует всегда именно в национальных моделях. Различные страны, имеющие общность моделей, можно соединять в группы. И это данность. Люди похожи друг на друга, но вместе с тем каждый является индивидуальностью. Так же и национальные экономики, отражая всю полноту предшествующей экономической истории и национальных традиций, имеют каждая свое лицо.

Как следствие, любые абстрактные схемы реформ, будучи наложены на живое тело конкретной экономики, могут пренебрегать ее существенными свойствами, тем самым, приводя исходные идеи либо к неудаче, либо к неполноценной реализации.

Примеров тому множество. Вся история (прежде всего российская) полна воспоминаний о том, как очередной рецепт получения экономического счастья, будучи реализован, приводил к совершенно иным результатам. Образно говоря, любая жесткая модель создания мини- или макси- Нью-Йорка в Москве по рецептам Нью-Йорка, Лондона - в Праге, Парижа – в Будапеште, Киеве или Бишкеке, приводит к огромным социальным и экономическим издержкам, если эта модель теоретически безапелляционна и проводится однозначной и властной рукой.

-Можно ли считать, что еще одной общей чертой переходных экономик по «великой дуге», о которой Вы говорили, является чрезмерно высокая цена реформ?

Этот вопрос – о цене реформ – всегда существует.

В сытые времена, когда забываются издержки и потери, кажется, что пройден правильный путь. Но невозможно заниматься будущим, если не пытаться извлечь из пройденного уроки и увидеть те развилки, когда можно было принимать иные решения, которые бы приводили, может быть, к тем же результатам, но с гораздо меньшими потерями у населения, да и меньшими потерями самого населения. Более мягкие модели реформирования в Чехии, Польше, Словакии, Словении, подпитываемые массовыми вливаниями иностранного капитала и амортизируемые более высоким уровнем ранее накопленных семейных активов, сопровождались сокращением численности населения до 1% (1995 – 2007). Жесткие модели перехода на постсоветском пространстве, сопровождаемые массовым огораживанием населения от собственности, привели к убыли населения в 4 – 5% (Россия, Белоруссия, Казахстан), 7% (Грузия), 10% (Украина) (тот же период). Исключение - постсоветские страны, входящие в зону ислама, с иной степенью индустриализации и другой социальной моделью (рост населения).

Поэтому можно говорить еще об одной – *пятой* - общей черте экономик «дуги». Она заключается в деформациях целеполагания, которые, в свою очередь, ведут к избыточной цене реформ.

Понятно, что после 10–15 лет жизни в переходной экономике говорить об ошибках целеполагания легче, нежели в 1990 - 1992 или в 1995 годах. Тем не менее в любой из временных точек прошедших 10–15 лет дискуссии всегда велись между более экстремальной, более радикальной точкой зрения – и более спокойной, более консервативной, хотя не менее реформистской. И преимущества часто получала более радикальная точка зрения. И таких точек, таких развилок, где можно было бы достигать тех же целей, но с меньшими издержками, очень много.

И кстати, мы не должны забывать, что дорога еще не пройдена: мы по-прежнему находимся в переходном периоде, и каким будет берег, неизвестно. Удастся ли закрепиться в модели рыночной экономики? Или всем странам на линии Украина – Белоруссия – Россия – страны Центральной Азии придется вступить в более жесткие авторитарные модели? Будут ли экономисты вновь рассуждать о латиноамериканских аналогах европейских стран СНГ, со всеми их политическими, социальными и финансовыми рисками? Или произойдет уклон в сторону закрытой фундаменталистской экономики, какой бы идеологией она ни питалась?

Все это вопросы ближайших 5 – 10 лет, вопросы того, что произойдет с финансовым рынком, который произведен от модели страны и экономики.

Возвращаясь к мысли о правильном целеполагании. Сейчас мне кажется, что в центре любой реформы должен стоять не столько вопрос об экономическом механизме (он вторичен, это – инструмент), сколько о семейных активах, свободе действовать, собственности среднего класса как огромного большинства населения. И только через создание среднего класса – строительство рыночной экономики. Если фокусом реформ является появление благополучного среднего класса, то резко изменяются макроэкономические решения, становится другим стиль, в котором они проводятся. И соответственно, начинает формироваться несколько иная модель, нежели та, которая приводит к сверхконцентрированной собственности и расширенному влиянию государства в экономике.

Если целью реформ является семья с ее активами, ее домами, участками земли, приватизированными квартирами, с ее высокими доходами, семья как экономический агент, как множественная ячейка общества, как собственник, как место, где формируются активы, передаваемые из поколения в поколение, то это, безусловно, предполагает другие макроэкономические решения по многим параметрам.

– Хотя бы приблизительно, по каким параметрам, могло быть иначе?

- Одним из самых удачных результатов реформ, по-моему, была приватизация квартир. Огромное количество людей получило реальную собственность, которая была оценена рынком, которой они затем распорядились.

А вот в результате ваучерной приватизации население получило акции, т. е. те ценности, экономической сути которых оно не понимает. Собственного имущественного опыта в отношении акций не было даже у тех, кто создавал акционерное законодательство. В принципе можно было – в качестве одного из

многих ходов - запретить свободную торговлю ваучерами, наложить временные (4 – 5-летние) ограничения на хождение тех акций, которые население получило в результате приватизации, отложить на несколько лет приватизацию крупных государственных монополий, являвшихся общенародным достоянием.

За этим решением последовало бы, если вернуться в историю, отсутствие скупки ваучеров и акций в первые годы, что, в свою очередь, означало бы множественность акционеров и замедление процесса концентрации собственности. С точки зрения экономической эффективности это привело бы к значительному замедлению процессов смены собственности (что имело и плюсы, и минусы), создало бы прецеденты управления предприятиями с «контрольными пакетами» в 25 – 30% капитала. Такой временной лаг – при одновременных размывающих эмиссиях и создании организованного рынка акций – был бы более щадящим по отношению к населению, послужил бы тому, что общество почувствовало бы больший вкус к владению имуществом в акциях, а собственность была бы сконцентрирована не в той мере, в какой это произошло сначала через скупку ваучеров, а потом через чековые инвестиционные фонды.

История с 500 инвестиционными фондами, большая часть которых перестала существовать, это ведь на самом деле история об отъеме собственности у населения.

Эта несколько иная дорога могли бы вести к тому, что сейчас доля среднего класса в капиталах была бы выше, а стейкхолдеров – государства и единиц частных лиц – ниже. Банкротства и рейдерство не были бы столь разрушительными, являясь по факту важнейшей частью экономики. Не нужны были бы народные IPO и 15–17 лет реформ, чтобы средний класс заново узнавал ценность капитализации и акций как активов, как семейного достояния.

Другой пример – земля. Было бы земельное право тем же самым, если бы во главу угла ставилась не концентрация собственности в руках крупных землевладельцев (что активно происходит), а создание реальных земельных активов в руках множества российских семей? Для начала лозунгом приватизации могло бы стать право каждого гражданина РФ на бесплатное выделение качественного участка земли плюс ограничения на сверхконцентрацию земельных активов в одних руках (не делать же потом новые революции или земельные реформы, занимаясь отъемом земли у латифундистов).

– А есть ли ограничения на концентрацию вообще где-нибудь в мире?

- Примеров мы можем найти сколько угодно. Я сейчас говорю об акцентах. Во главу угла реформ может ставиться или олигополия, или множественная собственность – экономика и финансовые рынки в каждом из этих двух случаев получаются очень разными.

Для примера: возьмем страну, в которой добывается сырье компаниями, неважно, в чьей собственности находящимися, но эта собственность очень концентрирована. Для добычи сырья нужно немного людей, а финансовые результаты очень высоки. Понятно, что собственнику основное население на этой территории не очень нужно, собственно, оно является социальным бременем. Благосостояние населения является просто предметом торга между крупным частным собственником и государством, которое в той или иной мере

представляет интересы населения. Понятно, что это искаженная структура экономики, где благополучие и активы населения имеют последнюю степень значимости, а государство и его представители объективно превращаются в экономических агентов, у которых есть свои собственные интересы, совпадающие с интересами среднего класса только в той мере, в какой должна быть удержана социальная стабильность.

Другой пример: в условиях сверхвысокой концентрации собственности неизбежно формируется открытая или скрытая олигополия (на рынке предметов потребления (недвижимости, автомобилей, продуктов питания и т.п), в которой неизбежно начинает участвовать государство. Мы немедленно сталкиваемся с проблемами завышенных цен, с тем, что цены населению **назначаются** при получении бизнесом сверхприбылей. Вот еще одна модель, когда интересы населения, его активы, его благосостояние отодвигаются, становятся проблемой последней очереди.

Простое наблюдение. В Чехии, Польше, Венгрии налоговое бремя существенно выше, чем в России. Это относится и к корпорациям, и к населению. Издержки на заработную плату выше. А цены на любые товары для населения, включая недвижимость и землю, значительно ниже. Причина - в российских ценах заложены сверхприбыли олигополий по всем этапам технологического передела плюс агентские издержки, связанные с отношениями с государством, плюс издержки, обеспечивающие безопасность бизнеса в волатильной внешней среде.

Все эти вещи в экономике назывались когда-то огораживанием, отделением населения от собственности, только тогда речь шла о земле. Но такое же огораживание может происходить по отношению к денежным доходам, активам, земле – к любым ресурсам.

Огораживание неизбежно возникает в экономиках с высокой концентрацией собственности (неважно, в частных ли руках она сосредоточена, иностранных или государственных), с яркой олигополией и жестким вертикальным администрированием, которое играет активную роль, в том числе как экономический агент.

– Вы раньше говорили о том, что все переходные экономики, возникшие в 1990 – 1992 гг, оказались схожи в созданных ими моделях экономического устройства и финансовых рынков. Значит ли это, что критический анализ рыночных реформ справедлив и для постсоциалистических стран, вошедших в еврозону?

Эффекты были те же, но смягчены тем, что в таких странах, как Чехия или Словения, отчасти Венгрия и Польша, население входило в рыночную экономику с **большими** семейными активами, накопленными поколениями, с более высоким уровнем жизни. При социализме многие семьи могли жить в виллах и на земельных участках, приобретенных еще до первой и второй мировых войн. Коллективизация земли не была такой тотальной. В ходе рыночных реформ была проведена частичная реституция в отношении недвижимости и земли. Монетарная и финансовая политика 1990-х гг. не была настолько жесткой, как в России, при том, что в эти страны активным потоком шли иностранные инвестиции, прежде всего из еврозоны. Вспышка инфляции в 1990-х гг., лишившая постсоветские семьи сбережений, была слабее в этих

странах. Не было финансового кризиса 1997 – 98 гг., лишившего сбережений средний класс, нарождавшийся в 1990-е гг. Ниже затраты на реформирование / поддержание военно-промышленного комплекса. Как следствие, социальная цена реформ оказалась меньше, средний класс является более представительной силой, чем на постсоветском пространстве.

– Затронут вопрос о монетарном регулировании как об одном из инструментов рыночных реформ

Обсуждая монетарное регулирование или, в целом, инструментарий рыночных реформ, я думаю, что основной урок, может быть, заключается в том, что в центр реформ должна быть поставлена не рыночная экономика как таковая, и даже не абстрактное благополучие населения, потому что эта цель объявляется всеми теоретическими моделями реформирования, хотя не все модели ее могут достигать.

Во главу угла должно быть поставлено благополучие «почвенного слоя» страны – среднего класса, который единственно делает страну жизнеспособной, устойчиво развивающейся, создает ту благополучную ежедневную практику жизни, в которой только и может пристойно существовать человек.

И модель реформирования, перехода от административной экономики к рыночной, должна обеспечивать взрыв экономической активности населения – настоящего и будущего среднего класса, рост его энергетики, желания накапливать активы ради себя и будущих поколений, легкость капитализации и рыночного оборота его имущества. Сохраняя ядро реформ, – рост активов населения, диверсификация собственности, рынок, сокращение роли государства, модернизация, сбалансированность развития – делать это по-разному, применяясь к традициям и ценностям населения, состоянию экономики домашних хозяйств.

Можно сколько угодно рассуждать по поводу проблем монетарных рычагов реформирования и идеологии МВФ 1990-х гг., упорно приводившей развивающиеся экономики к кризисам. Но более важно сделать общий вывод: безумие - жестко накладывать абстрактную схему на все подряд развивающиеся и трансформационные страны (как это происходило в 1980–90-е годы), поскольку единой схемы для разных экономик нет.

Если так происходит, это – марксизм наоборот, это - экспорт революции (или контрреволюции) в самых примитивных и жестоких его формах.

Теперь сделаем выводы.

Первое. Важно, чтобы целью формирования рынка в переходной экономике был средний класс, а не только немногочисленная группа так называемых эффективных собственников. При этом не исключается, что значительная доля собственности сконцентрируется именно у эффективных собственников, только степень концентрации будет ниже, а методы контроля за собственностью – ближе к моделям, основанным на диверсифицированной собственности на капитал. Акцент на нужды и активы среднего класса не отменяет той точки зрения, что собственность в переходном процессе неизбежно сконцентрируется у так называемых эффективных собственников, просто по дарвиновским законам социальной биологии.

Второе. Абстрактная идеальная модель, очень жесткая схема макроэкономических и политических решений, примененная к переходным экономикам, неизбежно связана с высокими социально-экономическими издержками. Переходная экономика требует более тонкой настройки. Для минимизации издержек в точках поворота важно, чтобы побеждала точка зрения «золотой середины», а не более радикальные, экстремальные переходы к состоянию рыночной экономики, либерализации, стабилизации, снижению инфляции и т.п.

Третье. Более тонкая настройка предполагает, что идеальные схемы, накладываемые на страны, учитывают весь объем национальных особенностей, очень конкретного состояния «души и тела» данной страны, и это является неотъемлемым элементом инструментария рыночных реформ.

Вот три урока, три момента политики перехода экономик из одного состояния в другое, которые хотелось бы увидеть примененными во всех будущих трансформациях, которые будут претерпевать постсоветские экономики.

- Что же в результате создано на постсоциалистическом пространстве?

- Созданы переходные рынки. Это рынки похожие, очень волатильные, в значительной мере зависящие от внешнеэкономической и финансовой динамики, с огромным влиянием иностранных инвесторов (если говорить о Восточной Европе, оно подавляющее; всем известно, что банки в странах Центральной и Восточной Европы собственникам, имеющим отечественные корни, не принадлежат). Это рынки, вынужден повториться, основанные на достаточно пассивном участии населения в собственности, на ее высокой концентрации, преимущественной олигополии, на объемном участии государства в экономической жизни. Как бы это ни называлось – традициями Российской или Австро-Венгерской империй, или традицией государств Азии, все это очень похоже.

Модели обществ и рынков одни и те же, степень их жесткости, иерархичности нарастает как раз по той дуге государств, о которой мы уже говорили. В такой экономической, административной, социальной среде, с такой концентрацией собственности и власти значительную роль приобретает личность, конкретный человек, добившийся власти и накладывающий рельефный отпечаток своих желаний, характера и идей на общество, в котором он доминирует. Россия Путина, Казахстан Назарбаева, Чехия Клауса, Польша Качиньского, Украина Ющенко, Белоруссия Лукашенко, Узбекистан Каримова, Азербайджан Алиева и т.д. – все это люди – государства. Поэтому позади – и впереди – множество вариаций стран вокруг созданной в 90-е гг. базовой модели экономики. Вариаций на тему открытости – закрытости, рыночности – административности, индивидуальности – коллективности, западности – восточности, национального – интернационального и т.п. Здесь возможен только один прогноз – в поисках самоидентификации люди – государства всегда волатильны, неизбежно формируя в своих домах длительные циклы «оттепель – заморозки – оттепель - ...» (децентрализация – централизация – децентрализация - ...). Важно только, чтобы эта субъективность, накладываемая на постсоциалистические общества, не прорывала их базовой модели,

сложившейся в 1990-е гг., не приводила к деформациям, свойственным странам – изгоям.

- Несмотря на то, что стран в фазе развивающихся рынков очень много и совокупно они находятся в этом состоянии довольно долго, констатируем ли мы, что их «переходная экономика» должно куда-то перейти?

- Я не уверен, что возможен переход только к лучшему.

Страны и экономики могут не только развиваться, но и деградировать, превращаться в закрытые экономики, фундаменталистские и так далее.

История демонстрирует, что переход происходит всегда – варвары времен Римской империи стали индустриальными державами, а цветущие цивилизованные районы юга Италии и Греции погрузились в состояние развивающейся экономики. Древний цивилизованный Китай, давший миру великие изобретения, сейчас относится к категории «*emerging market*». Была Византия, ее активы, библиотеки, традиции – стала Османская империя, шаг за шагом отстающая в технике. Если бы мы сейчас оказались в точке, отстоящей от нашего времени на 500 лет, увидели бы другие географические карты, другие деления на уровни развития, если таковое деление вообще сохранится.

Уровень развития общества принципиально не статичен: кто-то становится сильнее, кто-то ослабевает. Всегда существовало деление на мир развитый и мир развивающийся. Европа темных веков и цивилизованные арабские халифаты. США в XIX веке – типичная развивающаяся страна, зависящая от инвестиций из индустриальной Британии.

За всем этим главный секрет истории цивилизаций – растущая численность населения, его способность удержать территорию, сохранить культурную целостность, обеспечить последовательный ряд успешных поколений.

Поэтому нет гарантии того, что переходная экономика Россия войдет в «золотой миллиард», если будет сохранена историческая тенденция растраты российского населения, пренебрежения домашними хозяйствами, теряющими активы в каждом своем поколении. Эта тенденция может однажды привести к самой высокой политической волатильности, в которой нет места финансовому миру, как это было в 1917 – 19 гг. и 1928 – 30 гг.

-Для России в этих обстоятельствах актуален следующий вопрос. В начале пути, т. е. в конце 80-х – начале 90-х годов была ли возможна траектория, которая приводила бы Россию, вообще постсоветские страны в категорию индустриальных экономик?

Точка отсчета - Советский Союз был военизированной, но индустриальной страной. Был ли способ попадания в «яблочко» мишени – не в третий мир, не в хаотичный мир развивающихся экономик? Или все было жестко предопределено, и любая попытка реформ жестко загоняла страну в группу *emerging markets*? Сейчас ответа нет. История, как известно, не имеет сослагательного наклонения.

Я как экономист, который предпочитает более мягкие способы реформирования, имеющие в центре внимания активы и растущую численность

населения, предполагаю, что такая траектория могла бы существовать, если бы она имела своим центром не только распределение крупных кусков собственности и власти среди элитарного класса «эффективных собственников», но и интересы среднего класса как экономической и социальной основы индустриального рыночного хозяйства.